Лекции Омского Народного университета

Омский народный университет — просветительская организация, учрежденная коллективом деятелей науки и культуры в Омске в начале 2013 года. В университете все желающие имеют возможность бесплатно выслушать курсы лекций известных омских писателей, литературоведов, искусствоведов, историков, философов на уникальные темы, такие как «Особенности творческого мышления», «Философия любви», «Русская национальная идея в литературе», «Логика истории», «Фотография как мировоззрение» и др. Публикуем лекцию, прочитанную одним из основателей университета Андреем Козыревым, и надеемся, что эта публикация сможет привлечь внимание к делу просвещения в Омском регионе.

Андрей КОЗЫРЕВ

ВВЕДЕНИЕ В СИСТЕМУ ДЖОРДАНО БРУНО

Бытие современного человечества единодушно характеризуется мыслителями как кризисное. Но при этом само слово «кризис» не имеет единой дефиниции. Таким образом, центральное понятие нашей цивилизации и ее центральная проблема до сих пор остаются «слепым пятном» философии. Человеческая цивилизация стоит, опираясь на пустоту. Но, чтобы преодолеть преграды, стоящие перед нами, надо хотя бы изучить характер этих преград, а не молиться на них как на итог всего нашего исторического развития. Следует четко и ясно поставить ключевые вопросы, от решения которых зависит исход истории (или Исход из истории, подобный Исходу евреев из Египта или Исходу грешников из ада): что есть кризис? Как вести себя по отношению к глобальному кризису? И какими средствами с ним бороться?

Отталкиваясь от определений, данных кризису великими мыслителями Кьеркьегора и Шопенгауэра до Шпенглера, Сартра и Камю, можно определить кризис как существа, наделенного естественной одухотворенностью, антиестественных и антидуховных условиях. Подобная ситуация наблюдается с момента начала истории настолько часто и приносит в процессе эволюции такие колоссальные плоды, что можно сказать: *кризис и есть жизнь*, вернее, центральный толчок к развитию жизни. Лействительно, жизнь как форма становления есть постижение и преодоление кризиса. Но, с другой стороны, жизнь как форма бытия есть постигнутый и преодоленный кризис. Таким образом, жизнь и кризис – это такие же взаимосвязанные и постигаемые только друг через друга понятия, как добро и зло, красота и безобразие, счастье и горе. Кризис стоит перед нами как изначальная данность, мы понимаем, что окончательно преодолеть его в условиях нашего мира невозможно, да и не нужно: это преодоление есть конец жизни. Тем не менее борьба с ним необходима для нас как главный толчок к эволюции человека, жизни и – в конечном счете – Бога, сущность которого постепенно выплавляется в наших сердцах в процессе борьбы. Эти тезисы достаточно традиционны, но их повторение необходимо для постановки следующего вопроса: когда в сознании человека современного («фаустовского») типа зародились первые черты кризиса?

Вероятнее всего, зерна подобного мировоззрения упали на благоприятную почву душ западных людей именно в «фаустовскую» эпоху, совпавшую с периодами Возрождения, Реформации, Великих географических открытий. Именно тогда переменилась прежняя система пространственных, моральных и нравственных координат, с наибольшей точностью и совершенством отраженная в «Божественной комедии» Данте, и в явившемся взорам европейцев «дивном новом мире» Человек оказался затерянным в Человечестве, а Человечность — затерянной в Человеке. Небывалое расширение внешнего и внутреннего миров, открытие новых бездн в небе и человеческой душе привели к ощущению человеком своего неизбывного одиночества в мироздании, отлученности от жизни и от себя. В этом чувстве — истоки метаний Паскаля, «арзамасского страха» Толстого, философии абсурда Камю. Это чувство до сих пор живет в душах современных Раскольниковых и Ставрогиных. И задача наша — не истребить это чувство, эту в

сущности уже звериную инстинктивную тоску, проникшую на глубочайшие уровни нашего бытия, а приручить Зверя в себе, чтобы овладеть силой его в окружающем мире. Для этого нужен человек уровня Данте, который в некоей Книге («ElLibro»- так итальянцы называют «Божественную комедию») дал бы универсальные формулы нравственной жизни в максимально четко и достоверно описанном космосе, и сделал бы это в наивысшей художественной форме.

Можно ли найти в истории последних пяти веков такую личность, которой была бы по плечу эта работа — освоение (не научное, а моральное «очеловечение») бесконечности, вселенной и миров, изгнание торжествующего зверя из человеческих сердец и, наконец, создание новой морали — героического энтузиазма? Сами термины, употребляемые здесь, заставляют вспомнить о человеке, смотревшем в бесконечности внешнего и внутреннего мира не с ужасом, а с радостью, о том, кто, казалось, был предназначен для свершения труда, равного труду Алигьери, — о Джордано Бруно.

Имя Бруно до сих пор овеяно загадками. Большинство людей знают о нем только одно – что он проповедовал вращение Земли и был сожжен на костре на Площади Цветов. При этом сами причины его казни остаются неизвестными. Безусловно выяснено только то, что представления ноланца о космосе не были причиной его сожжения - теория Коперника еще не была под запретом, ее разделяли многие священники. Скорее всего, церковь уничтожила Бруно не за конкретные элементы его учения (гениальность которого признавалась даже венецианскими инквизиторами), а за общий ореол бунтаря-одиночки, который он сам создавал вокруг себя. Это было сделано, чтобы присмирить «непокорных». В терроре инквизиции, как и в любом другом массовом терроре, главной целью являлось не убийство отдельных личностей, а создание в обществе атмосферы всеобщего страха и послушания - запуганными людьми легче управлять. Но, как это ни странно, сожжение Бруно не только не заставило ученых замолчать, но и вдохновило их на новые исследования, а Джордано из селения Нола под Неаполем стал на века знаменем европейской науки, которая не имела прямого отношения к его гибели. Более того, именно костер на Площади Цветов стал неким огненным памятником или – лучше сказать - горящим пьедесталом для славы Джордано Бруно, самого непонятого из знаменитых философов той эпохи.

В чем же заключалось его мировоззрение? Этот вопрос должен стать темой для многих научных, философских и литературных трудов, гораздо более обширных, чем эта маленькая заметка, но в рамках данного эссе можно постараться выявить не столько реальные элементы философии Бруно, сколько те следствия из них, которые способны прижиться и дать благие плоды в современном мире. Для этого следует создать несколько «философских вариаций» на темы основных трактатов философа.

«О бесконечности, Вселенной и мирах»

Этот труд имеет наибольшую известность из всех сочинений Бруно. Внимательное изучение его текста и многочисленных подтекстов приводит к мысли, что элементы учения Коперника были только частью философии Бруно, не столько естественнонаучной, сколько религиозной. В своем трактате Бруно разрушает дантовскую триаду рая, чистилища и ада, предлагая людям гораздо более просторный и многообразный мир, состоящий из бесчисленного множества населенных планет, на которых перевоплощаются человеческие души. У последующих борцов с дантовским механицизмом «девяти атлетических кругов» ада неоднократно возникали подобные картины (которые, кстати, появлялись и за тысячи лет до Возрождения в странах Востока), но у большинства этих мыслителей хаос миров и боль перерождений вызывали только ужас или тихое подспудное неприятие. Бруно же смотрел в бесконечность с восторгом. Но для того, чтобы передать людям этот восторг вместе естественного для земных «конечных» существ трепета перед непознаваемым, ему надо было придать своему космосу строгую и понятную каждому человеку структуру, описав ее в художественной форме. Поэтические

опыты Бруно позволяют думать, что это было ему под силу. Колоссальная панорама перевоплощений одной души (лирического героя) в мириадах миров, в ходе которой сознание восходит ко все большей мудрости и счастью, написанная строгим и звучным итальянским языком, – этот труд мог бы донести новое учение до людей гораздо лучше, чем научный трактат, доступный единицам. Но, к сожалению, эта задача не была выполнена Бруно по причине краткости его жизни, и после него ни один человек не смог достойно продолжить его дело. Люди последующих веков жили одновременно в разных мирах – в физическом мире они ощущали себя плесенью (мыслящей!) на маленькой планете, вращающейся в медвежьем углу бесконечной Вселенной, а в духовном мире попрежнему мыслили себя связующим звеном Великой цепи бытия (Небо-Человек-Земля), боялись ада, стремились в рай, а фактически при жизни пребывали в чистилище (в которое часто сами не верили). Жить одновременно в комнатах и во Вселенной люди не могли – просто потому, что слишком дорожили уютом комнат, чтобы ремонтировать их под Вселенную (это дорого и неудобно), а в Космосе негде было поставить обеденный стол, постель и шкаф с процессией фарфоровых слоников «на счастье». Предпринимались попытки создать универсальную картину мира в слове, но все они – и у Гоголя, и у Блока, и у Ю.П.Кузнецова – не могли состояться без опоры на дантовскую космософию. Дружественная, очеловеченная бесконечность не стала частью нашего психологического мира, но зато «черная бездна» неба постоянно магнетизирует нас. Но, пока мы не улыбнемся небу, оно не улыбнется нам, да и та бесконечность, которая открылась людям в их внутреннем мире, тоже будет настроена к нам враждебно. «Улыбнись тьме, и она станет светом. Улыбнись бесконечности, и она улыбнется тебе. Если ты перестанешь бояться бездны пространства, то бездна души тоже перестанет быть врагом тебе», таковы универсальные формулы, начертанные на надгробии Бруно, которого нет в реальности, но которое создано из страниц его книг в нашей памяти и внутреннем опыте мыслителей.

«О героическом энтузиазме»

Этот трактат Бруно менее известен, чем первый, но для цивилизации он имеет, вероятно, даже большее значение, поскольку в нем совершается попытка установления основ новой этики. Здесь философ говорит не о внешней бесконечности, а о бездне человеческой души. И в определении основных правил, руководящих отношением человека к себе, миру и людям, участвуют внешняя и внутренняя бесконечности.

Первый тезис этики героического энтузиазма — жизнь как подвиг. Для средневекового человека на Земле было только две изначальные вещи, которые он не выбирал, — рождение и смерть. Для личности, сформировавшей себя в духе героического энтузиазма, есть и третья изначальная данность — это подвиг. Человек обречен на подвиг, как на рождение и на смерть. Подвиг здесь понимается буквально, как продвижение на шаг вперед — в физическом, интеллектуальном или моральном плане. Подвигом может и должно стать любое дело, осмысленное как подвиг. Каждый вдох и выдох, каждое биение сердца и мысли, каждый шаг вперед — все это есть подвиги, и гордиться ими так же нелепо, как гордиться своим положением смертного. Гордыня и эгоизм сразу отметаются в мировоззрении подвижника — подвиг так же естественен для него, как движение крови по венам, как рождение и смерть. Пустота жизни, лишенной «великих свершений», и последующее отчаяние точно так же становятся невозможными — ведь сама жизнь есть подвиг, следовательно, она не бессмысленна. Есть только одна истина — это путь. Есть только одно дело — это жизнь, т.е. движение вперед.

Другой постулат учения Бруно – это новая этика боли. Страх боли выводится новым мировоззрением за пределы сознания – боль есть только следствие ошибочного поведения, а бояться надо не следствия, а причины. Страх возможен только тогда, когда возможен выбор из нескольких вариантов, один из которых ошибочен. Ошибок нравственного и философского уровня можно и нужно бояться, если они возникли

вследствие осознанного выбора зла. Если же выбор совершен правильно, а боль все равно приходит извне, то страх неуместен. Боль в этом случае есть такая же данность, как и сама жизнь, и ее надо принять как нечто естественное. Разумеется, это не отменяет противодействия боли и внешнему злу: с ними надо бороться, но их не надо бояться, так как любое человеческое страдание только на один процент состоит из боли, приходящей извне, и на девяносто девять процентов – из страха, преумножающего масштабы боли (как субъективные, так и объективные).

И, наконец, третий элемент этики энтузиазма – учение об отношении человека к себе подобным – во многом продиктован представлениями о бесконечности, Вселенной и мирах. Европейская этика создала две формулы отношений между представителями социума: «человек человеку волк» и «человек человеку Бог». Обе формулы нереалистичны и антижизненны: они либо опускают человека до уровня животного, либо поднимают до уровня Бога, что не соответствует сущности людей. Библейская формула «Люби ближнего, как самого себя» реалистична и жизненна, но она проистекает из убеждения в том, что каждый человек должен любить себя, т.е. из признания эгоизма как нормы. Если же человек не требует к себе особенной любви и относится к своей персоне с пренебрежением, то и интересами ближних он, согласно этой формуле, имеет право Таким образом, нужны новые правила взаимодействия людей, соответствующие условиям жизни в бесконечной Вселенной. Новой формулой отношения к ближнему может послужить фраза: «Человек человеку мир». Каждый человек – это бесконечный мир, существующий рядом со мной. Я имею право проникать в этот мир, изучать его, содействовать его развитию, продолжать его бесконечность бесконечностью мира моего. Если мой ближний человек-космос причиняет мне боль, то я понимаю, что одна бесконечность не может отменить или ограничить другую, но, если я причиняю боль ближнему, то я ограничиваю свой внутренний космос, отгораживаю его от соседних миров. К каждой личности надо относиться с таким же пиететом, как к первозданной природе другой планеты, следуя принципу: «Не навреди!». С точки зрения этики героического энтузиазма любое общение есть подвиг, равный сотворению мира: каждое мое слово, каждый поступок способны создать или разрушить планету в бесконечном мире, скрытом в ближнем моем. Так определяется высочайшая мера ответственности и одновременно – высочайшая ступень радости созидания, связанные с любым межличностным общением и составляющие его сущность.

«Изгнание торжествующего зверя»

Трактат Джордано Бруно, носящий это название, воспринимается обычно как полемический, направленный против изъянов католической церкви, ее вероучения и отдельных представителей. Это отчасти справедливо. Но само название труда говорит о том, что конкретные вопросы отношений мыслителя и бесчеловечной машины инквизиции – это только частный пример отношения человеческой души к огромному миру, не согретому ее внутренним теплом. Как поэт, художник, мыслитель или – говоря шире – нравственно развитый человек должен относиться к «торжествующему зверю» надчеловеческого мира, принимающего облик бюрократического государства, обладающего репрессивным аппаратом, - инфернального сверхсущества, лишенного сознания и наделенного только способностью к переламыванию и перемалыванию личностей и жизней, того существа, которое через несколько десятилетий после сожжения Бруно Гоббс назвал Левиафаном?

Единственный метод, который может быть плодотворен в данной ситуации, — это не уничтожение зверя (что не только невозможно, но и недопустимо, так как для этого борющийся человек должен сам уподобиться зверю), а его приручение. Человек стал властелином природы не тогда, когда впервые убил животное каменным орудием, а когда впервые приручил и одомашнил прежде диких и враждебных ему зверей. А человеком он стал не тогда, когда взял в руки палку, а когда не смог ударить этой палкой своего

сородича, — победил звериное начало в себе самом. Так же надо вести себя и по отношению к вселенскому Левиафану, — следует прежде самому научиться жить не за счет переваривания украденных мыслей и вещей, а за счет творческого приумножения и преображения того, что изначально содержится в себе самом. В каждом человеке заключен Демиург, и, чтобы овладеть его силами во внешнем мире, надо внутри своей души покорить его своей воле. Не враждуй, а твори, твори себя и других, приручай Зверя не злобой, а лаской, — только так можно добиться своего торжества не над Зверем самим, а над началом звериным в себе и в мире. Таковы основные положения третьей части героической этики, касающиеся уже не космоса внешнего или внутреннего, а жизни человекомерного общества.

.....

В завершение этих рассуждений хочется задать вопрос: мог ли исторический Джордано Бруно, который, несмотря на свою философскую гениальность, был живым человеком со своими индивидуальными недостатками, стать вождем нового движения, своего рода второй Реформации, - вождем более образованным, чем Лютер (смеявшийся над Коперником) и более гуманным, чем Кальвин (сжегший на медленном огне Сервета)? Несомненно, у него были задатки духовного и интеллектуального лидера, но холерический характер полемиста вел его другим путем - ему больше нравилось быть гениальным одиночкой, странником-бунтарем, и язвительно доказывать неправоту своих оппонентов на философских диспутах он мог лучше, чем руководить общественным движением. Философ, изучающий звериное лицо мира, достоин уважения; философ, с мужественным презрением бросающийся в пасть государству-зверю, достоин любви и подражания; но философ, стремящийся стать во главе этого государства, заслуживает в лучшем случае сожаления, а в худшем - позора. Тот Бруно, который взошел на костер со страхом, меньшим, чем тот, с каким на него в этот миг глядели инквизиторы, стал знаменем европейской науки, но тот «Ноланец», что в тюрьме инквизиции перед казнью издевался над причастием, которого просили другие обреченные, и оскорблял их веру, не мог бы стать знаменем новой этики, новой космософии. Поэтому нам предстоит ждать, пока некий Мыслитель не прочтет заново жизнь и труды Джордано Бруно и не преобразит для нас чистый и легкий пепел от его костра в благодатную почву для новых книг и новых дел.